

ТРАДИЦИИ ХОРА, ИХ РАЗВИТИЕ

О ХОРЕ Большого театра за последние 10—12 лет сказано много самых лестных слов. Иные из них и повторять, на страницах нашей газеты не скромно. В большой степени высокая оценка исполнительского мастерства нашего коллектива связана с зарубежными гастролями. То, что кажется для нас хорошим, а иногда и просто нормальным, оценивается зарубежными слушателями в самых высоких формах восхищения.

В чем же смысл удивления и столь лестных высказываний зарубежных ценителей нашего искусства? Каковы же действительно достижения нашего коллектива, как оперного хора с точки зрения сегодняшних требований жанра? Что дает ему столь необычайную силу воздействия на просвещенного и неприспособленного слушателя?

Это — первая тематическая окраска, специфическая для русской вокальной школы (а точнее, вопреки мнению скептиков, все-таки существует), во-вторых — обязательное сопереживание

сих пор имеет незаполненные вакантные единицы. Но уже дико быть хором Большого театра, а стало быть придергиваться этих высоких требований, либо не быть им!

Безусловно и то, что хор Большого театра особенно силен в исполнении русских оперных произведений. И в этом нет ничего удивительного, так как наши певцы воспитаны в традициях русского пения, русского вокала, русского исполнительства. Именно это замечательное качество русской школы и ошеломляет слушателя (особенно зарубежного) яркостью тембров, задушевностью интонации, точным смысловым исполнением. Традиции русского хорового пения удивительно сильны и отличны от дистиллированного исполнительского мастерства западных хором. И недаром именно в России родились оперы, в которых огромную смысловую нагрузку несут хоровые эпизоды. И сам вид оперы как «народной драмы» не мог родиться нигде, как в России, ибо нигде,

И. АГАФОННИКОВ,
хормейстер,
заслуженный артист РСФСР

то выдающегося мастера. До сих пор его штрихи и мазки остаются непревзойденной нормой исполнительского мастерства.

А сколько открытий и «великих святотатств» по отношению к композиторам (единственно правильных, и в этом их гениальность) при создании редакций хоровых партитур сделал Н. С. Голованов! Удивляешься смелости решений и в то же время их простоте и точности. Та же «Хованщина» (ведь это и не редакция партитуры молитвы звучит с такой непревзойденной силой), тот же «Садко» (вряд ли мы доживем до столь же гениальной интерпретации этой партитуры). Ведь эти поразительно смелые решения вынашивались годами, рождаясь как итог скрупулезной работы над партитурой, выдающегося соавторства исполнителя с композитором. Безусловно, что глубокое знание и практика хормейстера Н. С. Голованова, его опыт хоровика, продолжение традиций «народного хора» явились основой для столь дерзкого и единственно правильного решения в трактовке хоровых партитур творений русской классики.

Замечательными мастерами и продолжателями традиций оперного хорового исполнительства явились в дальнейшем В. П. Степанов и М. Г. Шорин, долгое время бывшие главными хормейстерами театра. Каждый из них представлял собой крупную фигуру в хоровом искусстве, под их руководством хор Большого театра развил свои наилучшие качества в области интерпретации произведений классики и советских композиторов.

С 1959 г. традиции, заложенные более чем полувековой историей, поддерживает и развивает главный хормейстер А. В. Рыбнов. Ему повезло работать с каждым из перечисленных выше корифеев Большого театра, а творческие и человеческие контакты с такими крупнейшими музыкантами, как С. Самодур, А. Пазовский, В. Небольсин, А. Мелик-Пашаев, Е. Светланов, Г. Рождественский, еще более обогатили творческую палитру нынешнего художественного руководителя коллектива. Недаром столь высок сейчас авторитет А. В. Рыбнова в хоровых кругах, недаром с его именем связаны все успехи хора Большого театра как на Родине, так и за рубежом.

Особой и несомненно важной стороной творчества хора является его принадлежность к сценическому действию. Естественно, что оперный хор, как участник музыкальной драматургии, выполняет особые задачи исполнительства. В этом и специфические трудности, а этом и основное отличие от других хоровых коллективов — капелл, ансамблей. А поскольку роль сценического действия хора все возрастает (и это естественно), то и значимость каждого из отделений и всех

вместе артистов хора тоже все возрастают. Думаю, что и в этой области у хора есть свои достижения. Недаром о нашем коллективе говорят, как об уникальном и в области сценической, актерской.

Конечно, эти достижения хора связаны с творчеством выдающихся оперных режиссеров, которыми судьба не обидела Большой театр. Разные по стилю и методам работы каждый из них ставил перед хором все новые и новые требования, совершенствуя оперу, как жанр музыкально-драматического действия, все больше подчиняя ее законам сцены.

«Русая и Людмила!» Попробуйте сравнить последнюю постановку этой оперы с предыдущей, и вы увидите насколько возросли требования к хору с точки зрения сценической.

Думаю, что 20—30 лет назад ни один режиссер не решился бы на это (да и дирижер не позволил бы). Насколько же изменилось представление об опере, если и дирижер и даже хормейстер пошли на такое вслед за режиссером.

Наверное и сам коллектив хора своим профессионализмом дал

возможность Б. А. Покровскому воплотить на сцене свои задумки.

Да, роль коллектива несомненна, а ведь он за последние 15 лет изменился более чем наполовину, пополнился.

Все меньше становится ветеранов таких, как хормейстер А. Хаванов, артисты хора Т. Суранова, Ю. Гаврилова, Т. Герасимова, Г. Савина, В. Нечаева, Н. Бутрова, Е. Ильина, Т. Чекулаева, С. Графов, Л. Гаврина, И. Базилевский, В. Иванов, Д. Макаров, А. Слюсарь, Н. Корольков, Н. Колесников. На смену им станут другие, а развитие и рост хора не прекратятся, пойдут дальше своим естественным путем в соответствии со все усложняющимися и углубляющимися требованиями оперного искусства.

Трудно? Очень трудно! Иногда кажется, что уже все возможности исчерпаны, но новые задачи встают, и коллектив идет на артистическую казнь безвозвратно.

Такова судьба хора оперного театра. А если этот театр еще и Большой, то и дорога у него вперед и вверх, с потом и кровью, через трудности, через «не могу», к новым и новым вершинам.

Сцена из второго акта спектакля «Хованщина».

Фото Г. Соловьева.

каждой исполняемой музыкальной и текстовой фразой; человеческая душа, дающая смысл любой музыке, любой мизансцене, в-третьих — творческое осознание исполнительских задач как музыкальных, так и сценических (и не дай бог хор назывался артистами хора).

Начнем с того, что хор Большого театра по своему голосовому качественному составу вряд ли можно сравнить с любым оперным хором в мире (хотя бы, может быть, хор театра «Ла Скала»). Жесткие конкурсные требования позволяют отбирать в него действительно достойнейших. Шутка ли сказать, что все первые сопрано и тенора обязаны иметь в своем диссонансе «дос (много) ли солистов может показаться безукоризненным исполнением этой ноты).

А много ли хоровых коллективов смогут похвастаться успешной звуковой конкурсной с такими оркестром, как оркестр Большого театра? Стало быть, сила звука и ровность звучания во всех регистрах также являются критерием при конкурсной прослушивании кандидатов.

Не знаю, как покажется непонятным, но на мой взгляд отобрать достойных певцов в хор Большого театра не так легко, чем в труппу солистов. Не составляет секрета и то обстоятельство, что не любой сильный голос по своим тембральным и другим свойствам может слиться с другими в ансамбле. А именно это качество чрезвычайно важно для пения в хоре.

Эта высокая требовательность при пополнении коллектива дает основу для поистине уникального звучания хора Большого театра, а для другой стороны — делает трудностью для укомплектования состава, который до

как в России, не было и нет такого выразительного, сердечного, с кровью и слезой, с удалой и отчаятой «артельного» пения. Вспомните «Ивана Сусанина», «Князя Игоря», «Сказание о граде Китеже», «Игоря Годунова», «Хованщину», молитву из которой хор непрерывно бисировал на самых именитых сценах мира.

Вероятно и то, что хор Большого театра не был бы таким, если бы ему не повезло на руководителей, воспитавших его в самых высоких традициях русского хорового пения, прививших хору те качества, которые как святая святых оберегались и развивались последующими поколениями.

У. О. Агафонов — выдающийся музыкант, хормейстер и дирижер, при котором впервые хор Большого театра стал постоянной творческой единицей, прародитель школы оперно-хорового исполнительства. Мы до сих пор с благодарением вспоминаем кадры опер, правленные рукой этого

Сцена из картины «Бородино» из второго акта спектакля «Война и мир».

Фото Г. Соловьева.